

*Любовь
глазами
мужчины*

Романы

КЕВИНА АЛАНА МИЛНА

Кевин Аран
МИЛН

РОМАН

*Шесть капешков
на счастье*

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М60

Kevin Alan Milne

THE ONE GOOD THING

Copyright © 2013 by Kevin Alan Milne
This edition published by arrangement with Center Street,
New York, New York, USA. All rights reserved.

Перевод с английского *И. Рапопорт*

Художественное оформление *С. Власова*

Милн, Кевин Алан.
М60 Шесть камешков на счастье : роман / Кевин Алан Милн ; [пер. с англ. И. В. Рапопорт]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Любовь глазами мужчины. Романы Кевина Алана Милна).

ISBN 978-5-699-85400-4

Нейтан Стин живет по принципу: делай добро — и получишь добро в ответ. Каждый день уходя на работу, он кладет в карман шесть камешков, которые напоминают ему о долге творить добрые дела. Но только ли потребность в благородных поступках заставляет его помогать людям? Или есть другой мотив? Тайный мотив?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-85400-4

© Рапопорт И., перевод на русский язык, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*И вот некто, подойдя, сказал Ему:
Учитель благий! что сделать мне доброго..?*

Евангелие от Матфея, глава 19, стих 16

ПРОЛОГ

Нэйтан

Есть ли разница между просто скрытным человеком и человеком, который что-то скрывает? Я всегда полагал, что есть. В первом читается разочарование и тяга к обману, второй же, напротив, склонен доверять людям. И все же я сомневаюсь, что моя жена согласилась бы с моей логикой в данном случае, если б знала, от кого сегодня я получил сообщение по электронной почте.

Говорят, здесь, в Техасе, все имеет большие масштабы. Если бы масштаб той тайны, которую мне нужно было хранить, можно было измерить, я бы, пожалуй, согласился с этим утверждением.

— Сколько сегодня камней, дорогой? Все шесть? — спрашивает Хэлли.

Мы в спальне, и она крутится рядом, переодеваясь. Любому другому такой вопрос показался бы странным.

— Да, — отвечаю я, ослабив узел галстука и расстегнув верхнюю пуговицу рубашки. — Но сегодня все больше по мелочам. Так что переложил только маленькие камешки. Не то что вчера.

Я опускаю руку в правый карман брюк и достаю шесть небольших камешков. Все они красные, но у каждого

свой оттенок. Я сжимаю их в кулаке, легонько трясу, вспоминая все происшедшее за день, бросаю на блюдце на туалетном столике и продолжаю готовиться ко сну.

— Да брось! — пристает Хэлли. — Не скромничай. Ты же знаешь, я обожаю подробности.

«О да, уж я-то знаю. А ты знаешь, как я люблю тебя дразнить», — думаю я про себя, а вслух интересуюсь:

— И что мне за них будет? Поцелуй?

Хэлли хихикает.

— Давай так — я подумаю над этим, а ты пока расскажешь мне все самое интересное!

— Идет, — тоже со смешком соглашаюсь я. — Что бы тебе рассказать... Я встретился с Мартином в перерыве на ланч, и мы потрепались. Я ведь еще не говорил, что его уволили? Месяц назад. И жена его тоже работы лишилась, так что ему сейчас туго. Думаю, он рад был ненадолго слинять из дома. Я ему подбросил пару вакансий, так что, надеюсь, он... — я быстро просовываю голову в ворот пижамы, — ...оклемается.

Хэлли тоже надевает пижаму.

— Продолжай! — Она в нетерпении.

— Так вот... Ммм... Я оставил официантке хорошие чаевые. Даже, наверное, больше, чем стоило, — не могу сказать, что обслуживала она меня так, что невозможно было придраться, но было видно, что лишние деньги ей не помешают. Что тебе еще рассказать?.. Ну, парочка мелочей на работе: стажер провалил экзамен, я его подбодрил, у секретарши возникли проблемы с компьютером, я показал ей, куда надо ткнуть... и еще всякое прочее. А по дороге домой я заскочил к Дэйву с Терезой — принес им поесть.

— А я-то думала, ты зашел в китайскую забегаловку, только чтобы мне не пришлось готовить, — снова хихикает Хэлли.

— Пусть будет так, — смеюсь я в ответ. — Но, по правде сказать, меня очень беспокоит Тереза. Ей становится все паршивее, и лучше бы они с Дэйвом разрешили мне помочь им расстаться.

Я бросаю беглый взгляд в зеркало и оглядываю свою фигуру. Неужели у меня отросло брюшко? Пытаюсь втянуть живот — не тут-то было. Наверное, я слишком много времени провожу в зале суда и слишком мало — в спортивном зале. Впрочем, телосложение — не главное в жизни. Хэлли подходит сзади и обнимает меня за мою обширную талию.

— Ты хороший человек, Нэйтан Стин. Ты и твои милые камешки. Нашему миру нужно побольше таких людей.

— Нашему миру нужны придурковатые чуваки с камешками? — хмыкаю я.

Она смеется и тычет мне кулачком в бок:

— Я не об этом!

Коротким рывком я перебрасываю ее и чмокаю в щеку:

— Ну хватит обо мне. А ты как? За ужином ты была не слишком-то разговорчива.

— Да? Наверное, дети столько всего хотели тебе рассказать, что я решила им не мешать, — уклоняется Хэлли от прямого ответа.

— Нет, тут явно была другая причина. Мне ли тебя не знать? Выкладывай, какие проблемы?

Хэлли протяжно вздыхает, садится на кровать и откидывается на подушки.

— Неужели я такая насквозь предсказуемая?

— За столько лет ты уже давно для меня как открытая книга. Так что не финти!

Она, должно быть, тоже считает, что я для нее — открытая книга, и, наверное, в каком-то смысле это и правда так. Вот только в моей книге есть пара глав, о существовании которых Хэлли и не догадывается.

— Ну... Эта женщина... — мнется моя жена.

— Погоди-ка, — я оживляюсь, — позволь мне угадать. Кто-то умер, на похороны нужны были цветы, и ты растрогалась. Я прав?

Хэлли хватает в изголовье кровати подушку и запускает ею в меня. Подушка шмякается по моему колену.

— Не просто «кто-то»! А совсем молодой мужчина. К слову, моложе тебя. И вдруг с бухты-барухты — сердечный приступ! Осталась семья. Похоронами заниматься некому: жена одна бегает, на ней лица нет, а дети с няней.

Я поднимаю с полу подушку и ложусь рядом с Хэлли под одеяло. Пару мгновений молчу, воззрившись на жену полными восхищения глазами. Потом спрашиваю:

— И какова была твоя скидка?

Хэлли улыбается:

— Пятьдесят процентов. На все.

— Кто бы сомневался в твоей отзывчивости! — Она пытается вклиниться с замечанием, но я продолжаю: — И именно поэтому ты необыкновенный человек. Возможно, слишком сопереживающий клиентам, чтобы твой бизнес процветал, но ведь за это я и люблю тебя еще сильнее.

Я еще раз целую жену.

— И все же это так грустно, правда? Она не выходит у меня из головы. И мысли дурные все лезут и лезут... Был — и нет человека... Представь: я вдруг умру. А? Что тогда? Кстати, когда ты в последний раз мерял давление? Когда ты вообще в последний раз был у врача? — Голос жены становится строгим и наступательным.

— Думаешь, у меня лишний вес? — кротко осведомляюсь я.

— Дурак! — снова тычет мне Хэлли в бок кулачком. — Нет, я думаю, к твоим формам нет повода при-

дираться. Но хорошо бы, чтоб так думал и твой доктор. Завтра с утра первым делом звоню ему и записываю тебя на прием. Еще не хватало, чтобы ты на мне отдал концы...

— Да брось ты, я здоров, как племенной бык! К тому же, если мне предначертано умереть молодым, никакой доктор тут не поможет.

— Неважно, ты все равно пройдешь медицинский осмотр. И как можно скорее. Я готова на все, чтобы не дать тебе покинуть меня.

— Только ради тебя. Но я обещаю, что не умру.

Хэлли накрывает своей ладонью мою и сильно сжимает.

— Прекрасно. Потому что без тебя я ничто.

— Неправда, и ты это знаешь. А вот представь себе меня без тебя... Я был бы просто сумасшедший с камешками в карманах.

— Со мной или без меня, но ты в любом случае просто сумасшедший с камешками в карманах, мой драгоценный.

Я смеюсь, но ничего не отвечаю. Время позднее, я порядком устал. У меня был трудный день, и теперь самое время, чтобы наша с Хэлли уютная болтовня перетекла в крепкий здоровый сон. Хотя она права: камешки я носил в карманах еще задолго до нашей с ней встречи и, даже если бы с ней что-то случилось, продолжал бы носить их и дальше.

Пока камешки не сотрутся в пыль или пока я сам не умру. Так я себе пообещал и во что бы то ни стало сдержу обещание.

Подумав об этом, я мысленно вернулся к событиям тридцатидвухлетней давности и вспомнил нескладную, в чем-то нелепую и не всегда опрятную девушку, над которой издевались все в нашем классе, Мэдди МакФэдден. Мэдди, которая была настолько же умной, на-

сколько странной. Ту Мэдди, которую в школе все терпеть не могли.

Давным-давно, когда мы с Хэлли еще только встречались, я рассказал ей, почему с седьмого класса ношу эти камешки в брючных карманах. Я боялся, она не поймет или, еще хуже, подумает, что у меня крыша поехала. Но, слава богу, она нашла эту мою причуду в некотором роде вполне привлекательной. Впрочем, я не рассказал Хэлли всего, опустив пару второстепенных деталей, которые в масштабе всей ситуации не имели значения, — и пару довольно важных вещей, которые как раз значение-то имели.

Правду говорят: дьявол — в деталях.

Но что, если бы я рассказал Хэлли о Мэдди сейчас? Если бы она узнала, что мы с ней по-прежнему поддерживаем отношения? Если бы я сказал ей, о чем Мэдди писала мне сегодня на электронную почту? Ну уж нет, все это точно бы ей не понравилось. К тому же есть вещи, которые нельзя говорить никому. Обещание есть обещание.

Хэлли перекатывается на кровати и кладет руку мне на грудь, чем возвращает меня в настоящее.

— Дорогой, ты уже минуту разглядываешь потолок, — сообщает она. — О чем таком ты задумался?

— Да ни о чем, — ласково бурчу я. — Размышляю, насколько трудный предстоит завтра день.

Я удобно устраиваюсь на кровати, целую любимую на ночь, выключаю светильник на тумбочке и закрываю глаза.

Я засыпаю, и возникает знакомое ощущение — сосет под ложечкой. Я всегда испытываю этот трепет, когда вспоминаю о прошлом. Оно становится все сильнее, и я уже почти слышу слова своего отца-пастора: «Быть честным — не просто лучший выход, Нэйтан, это единственный выход».

Так ли это? Неужели другого выхода нет? Неужели в мире есть лишь черное и белое, или все-таки бывают мгновения, когда благородные мотивы оправдывают существование некоторых оттенков серого? Честно говоря, не знаю. Возможно, папа и был прав. Возможно, поэтому я ему никогда и не говорил, что тогда произошло. И возможно, поэтому до сих пор у меня дыхание перехватывает всякий раз, как я думаю об этом, потому что от всей этой горькой правды хочется плакать. А правда в том, что лучший мой поступок за всю жизнь — и единственное доброе дело, которое действительно имеет значение, — ложь.

ЧАСТЬ I

КАМНИ И КОСТИ... И СТИНЫ

Глава 1

Элис

Помни, кто ты.

Задолго до того, как я забираюсь на переднее сиденье к папе в машину, я знаю, что и сегодня по пути в школу он напутствует меня все той же фразой. Это стало для него ритуалом — его визитной карточкой. С тех самых пор, как я пошла в школу, изо дня в день он на прощание говорит мне одни и те же слова. Если считать, а я считала, сегодня ровно семь лет, два месяца и девятнадцать дней, как это все началось.

Мой папа Нэйтан — образец классически правильного человека. Именно это я в нем и люблю: его предсказуемость. Я знаю, что он сделает в следующую секунду. Люблю его «мантры», по которым он живет и о которых постоянно напоминает, вроде «Помни, кто ты», или «Не переживай по пустякам», или «Все мы лишь перекаати-поле», или его любимое — «Одно ведет к другому». На этой предсказуемости и основано мое доверие. Я увере-

на, что могу рассчитывать на него, если начинаю переживать по пустякам. Достаточно обсудить их с отцом, и я уже готова к решению больших проблем.

В последнее время моя жизнь состоит из череды больших проблем. По крайней мере, мне они кажутся таковыми, но опять же я девушка не такая уж крупная, так что это может зависеть от перспективы.

Если говорить о размерах, я, тринадцатилетняя девочка, едва выросла из шестого¹. И я самая маленькая в классе. Я говорю «девочка», потому что в моем классе есть мальчик ниже меня ростом, но я не беру его в расчет, потому что у него и родители коротышки. Не люблю говорить «компактный», в конце концов, он же не модель компьютера, но это слово для него прекрасно подходит — он замечательно себя чувствует, несмотря на свой рост. Чего не скажешь обо мне. То, что я малявка, делает меня объектом насмешек.

Пока папина машина сворачивает на школьную парковку, я прислоняюсь лбом к прохладному стеклу, рассматривая группу подростков в тренчах, с кольцами в носу и выкрашенными в черный цвет волосами. Взглянув на них, я задумываюсь, какие новые сюрпризы преподнесет мне мой седьмой класс. Каждый день что-то новенькое. В основном издевки и колкие замечания. Я уже знаю, кого мне следует избегать, но это неважно — уж они-то знают, как меня найти. И всегда знали.

Я все еще помню свой первый день в детском саду. Мама поправляла мою косичку, а к дому уже подъехал гигантский желтый автобус с кучей детишек.

— Вот. Теперь ты настоящая принцесса, — сказала мама. — И вести себя в классе будешь как принцесса, хорошо?

— Да.

¹ Размер 6 в Америке соответствует 40-му в России.

— Молодец! Я буду здесь ждать, когда ты вернешься на автобусе домой, хорошо?

Я кивнула и обняла ее ногу.

Папа подошел ближе, улыбаясь, и произнес волшебное заклинание:

— Элис, у тебя все получится, я знаю. Просто помни, кто ты! — Он запнулся, потом спросил: — Кто ты?

— Я Элис, глупенький, — хихикнула я.

Папа улыбнулся еще шире, нагнулся и поцеловал меня в лоб.

— Да, милая. Ты Элис. Но ты гораздо больше, чем просто Элис.

— Я Элис Стин?

— И даже больше, Тыковка. Иди, мы потом поговорим об этом, водитель уже заждался. Проведи время в школе хорошо и будь самой лучшей, Элис Стин!

И мы правда поговорили об этом потом. И не единожды. Вот только разговоры эти закончились выводами только один раз. Это было несколько лет назад. В тот день мы с моим старшим братом сильно опаздывали в школу: тот слишком долго искал чистые трусы. И папа предложил подбросить нас до школы по пути на работу.

— Эй, Тай! — окликнул он, уже остановив машину у здания школы и открыв дверь, чтобы мы с братом могли выйти.

— Знаю-знаю, — пробубнил в ответ Тай. — «Помни, кто ты».

— Именно. Помни, кто ты.

Я ждала, что сейчас Тай отпустит одну из своих фирменных колкостей, к которым так охотно прибегают подростки в его возрасте, но он лишь улыбнулся:

— Я помню, отец.

Как только Тай ушел, я вскарабкалась на его место и всю дорогу до моей школы просидела рядом с папой, впереди.

И вдруг спросила:

— Папуля, скажи мне еще раз, что ты имел в виду?

— Что я имел в виду под чем, милая? — Папины мысли были явно где-то далеко.

— Ну, вот это: «помни, кто ты такой».

— А!.. Ну... Кто ты?

— Ты прекрасно знаешь и без меня, кто я.

— Знаю, что знаю. А вот знаешь ли это ты сама?

— Да.

Отец взглянул на меня сверху вниз. Мы стояли на светофоре и ждали, пока стайка подростков перейдет дорогу.

Он сказал:

— Тогда расскажи мне, кто ты.

— Ну... — задумчиво протянула я. — Я Элис. Учусь в третьем классе. Люблю танцевать и рисовать. Я твоя единственная дочь. И я твой самый умный и самый-пре-самый любимый ребенок.

Папа хмыкнул:

— В правильном идешь направлении, Эл. А еще?

— Ну, не знаю... Я красивая. Так?

— Конечно, ты красивая. Но я ведь спрашиваю тебя о чем-то гораздо большем. Знаешь, неважно, кто ты прямо сейчас, важно, как осознание себя поможет тебе в будущем стать такой, какой ты хочешь быть.

— Я хочу быть богатой, — простодушно призналась я.

Папа закатил глаза, но они по-прежнему искрились, как и каждый раз, когда мы с ним говорили. Казалось, он становился счастливым от одного взгляда на меня. Он сказал:

— Не ту цель ты перед собой ставишь, милая. Слушай: ты ведь сама сказала, что ты наша с мамой единственная дочь. Так? О чем это говорит?

— Что вам пора завести еще одного ребенка?